

— Надо взять половник и саму себя черпать...

— Что? — Я оторвалась от своих тетрадей и книжек и удивленно посмотрела на тетю.

— Надо черпать саму себя! — повторила она и вдруг взглянула на меня испуганно. — Ты не выдашь меня?

— В смысле, тетя Лид?

— Там кто-то стучит. В дверь. Ты не выдашь? — Тетя Лида замерла, подняв узловатый палец. В ее глазах был ужас.

— Пойду посмотрю. — Я пожалала плечами и встала со своего места.

Тетя Лида схватила меня за руки и всхлипнула.

— У меня ведь ничего нет! Совсем ничего! Меня уже завтра отсюда увезут. А если дождь закончится... — Она вдруг закрыла лицо руками и мелко затряслась, повизгивая и подвывая.

Я устало опустилась рядом с ней на диван и погладила по голове.

— Успокойтесь! Вас не увезут. Вы тут живете уже сорок лет, это — ваш дом!

— Сорок лет? А какой этаж?

— Девятый...

Тетя Лида перестала плакать и захлопала в ладоши.

— Ура-а-а! Девятый! Как хорошо! — И она счастливо засмеялась.

Господи, что я тут делаю? Я, которой так много надо!..

И ведь это не вчера началось. Сколько лет я только тем и занимаюсь, что за всеми разгребаю! Почему? Это что — и есть моя судьба, мое предназначение?!!

Тетя Лида снова плакала.

— Я ведь учусь, а мать не знает. А если узнает, будет меня бить.

И — тут же, без перехода:

— Что это у меня на ногах?

— Где?

— Вот!

— Тапочки.

— Тапочки. Сижу я. Не обращайтесь внимания. — Тетя Лида схватилась за сердце. — Я считаю, я правильно делаю, что не живу...

— Что?

— Не живу, — старушка грустно улыбнулась. — Сердце у меня никуда не смотрит.

А я — живу? И куда мое сердце смотрит?

«Сегодня идут без конца те же тучи, грядя за грядой...»*. Когда-то тетя Лида работала инженером, ездила в санатории, ходила в турпоходы. На байдарках сплавлилась! С мужем разошлась, детей не случилось. Она даже радовалась: «Как хорошо одной!»

А теперь ей восемьдесят пять, и она никому не нужна, кроме своей деменции, которая с каждым днем пожирает ее все больше...

Вот она сидит под дверью и разговаривает с воображаемым собеседником. О чем-то спрашивает, уговаривает — готова отдать ему ключи и вообще все.

— Забирайте! Все — для вас...

Все — для вас!.. Ничего, или почти ничего, — для себя.

Была у меня сестра. Мать считала ее гениальной. За это сестре можно было не убираться в квартире, не мыть посуду, не стирать, не гладить — вообще не пахать. Все это делала я.

А сколько раз сестра пыталась покончить с собой — три, четыре? Наедалась таблеток. Резала руки. Потом я собирала тряпкой содержимое ее желудка, вытирала кровь...

И все думала: почему — я? Почему я не могу вот так же — вскрыть вены, наглотаться какой-нибудь дряни, не думая о тех, кто будет бегать по больницам и участковым, кормить меня с ложечки, вытирать пол?

Вообще, если что-то с собой делать, то — сразу из окна. Я всегда боялась высоты — потому что неудержимо тянет. Вниз.

И кого мне жалеть? Дворников, которые будут отскребать меня от асфальта?.. Да, их мне тоже жаль...

Однажды сестра залезла на рояль и написала тушью на потолке: «Жалко, бога нет!»**

У нее его не было. У меня — есть...

А когда сестра умерла, у меня на руках остался ее маленький сын. «Мама!» — доверчиво говорил он, улыбаясь и протягивая мне свои нежные пухленькие ручки. «Я — не мама. Мамы больше нет», — терпеливо объясняла я.

На глаза его наворачивались слезы...

— А ко мне писатель пришел! С мальчиком! У него такие интересные лапотки. Новые! — тетя Лида рассказывает мне очередную историю, бог знает, откуда взвзвущуюся в ее голове. — Вот — видишь, сидит у меня, дурачок!

Когда мне было девять, меня оставили на несколько часов одну с бабушкой. Бабуля, полупарализованная после инсульта, лежала на кровати и только «мекала»:

— Ме-ме-ме-е-е!

— Что ты хочешь? — дрожа, спрашивала я.

— Ме-ме-е...

— Кушать?

— Ме-е-е...

— Пить?

— Ме-е-е...

* Строка из стихотворения И. А. Бунина «Одиночество».

** Финальная фраза поэмы «Цыгановы» Д. Самойлова.

Как же страшно было подходить к ней!.. Ведь это уже не та бабушка, которую я знала — строгая, скрытная, чистоплотная. Это — жалкий, гниющий полутруп. И смотреть-то жутко! А уж как ныло сердце!..

Я старалась подольше оставаться в саду. Вот и подружку пригласила, и затеяла с ней игру в догонялки — только бы не идти к бабуле! Бегу и соображаю: так — нельзя. А сердце-то, сердце — болит! Ну, не могу!

Так хотелось забыть про обязанности! Так хотелось быть собой, ребенком!

Вот уже час, два, как я не навещала ее. А идти — надо!

Наконец пересилила.

Бабушка сползла с кровати и сидела, привалившись к ней, вся в г... Она смотрела вперед невидящими глазами и что-то нашаривала на полу.

— Бабушка!..

Я разрыдалась. Мне никогда это не убрать!

Она увидела меня, схватила, притянула к себе и пронзительно закричала в самое ухо:

— Ме-е-е!..

— Бабушка! А-а-а! — Я запаниковала, задергалась во все стороны, мгновенно ощутив страх смерти. Вырваться, скорее вырваться из ее омерзительных, грязных, липких рук! Но бабуля, похоже, вложила в эту хватку всю свою последнюю силу.

Поняв, что оторвать бабушкины пальцы от себя не удастся, я постаралась ее поднять... Сорок килограммов — против ста двадцати. Я чуть не сломала спину. Противно, больно, плохо... И я ничем, ничем не могла ей помочь! Я плакала — и бабушка тоже. Ме-е-е!..

— Я — Лидия Ивановна!

— Я знаю.

— Я должна знать, где мой дом.

— Он — здесь!

— Сразу?

— Что — сразу?

— А вдруг он меня выгонит?

— Кто?

— Ну, он... Дом.

— Да никто вас отсюда не выгонит, успокойтесь! Живите себе! — улыбаюсь я. Всплескивает руками, улыбается в ответ.

Бедная тетя! Несчастное дитя! Хотя, может — счастливое? Ведь каждый день для нее — новый и молодой. И мать еще жива, и отец, и старшие братья. И учится она, и работает, и на прогулки ходит. И в парикмахерскую, и в зоопарк. И одежду сама себе шьет. А то и из-за границы привозит...

Все это она рассказывает мне. Каждый раз — по-другому. И при этом она радуется. Но вдруг приходит печаль.

— Я вот все время думаю...

— О чем, тетя Лида?

— Надо что-то делать!

— И что — надумали?

— Да! Надо черпать! Черпать надо себя!

